

Л. Флейшман

Художественные искания А. С. Пушкина
в лирике середины 1820-ых
годов.

1823-1825 годы занимают особое место в творческой биографии Пушкина. Период этот характеризуется повышенной творческой активностью поэта, его настойчивыми художественными поисками, стремительностью поэтического развития. Достаточно напомнить, что в эти годы создавались первые главы "Евгения Онегина", "Цыганы", "Борис Годунов", "Граф Нулин": этот же период отмечен значительными достижениями пушкинской лирики, отражающими процесс формирования в творчестве Пушкина новой художественной системы. А. И. Герцен писал: "Разлученный с друзьями, вдали от политической жизни, среди роскошной, но дикой природы, Пушкин, поэт прежде всего, весь ушел в свои лиризм; его лирические стихи - это фазы его жизни, биография его души; в них находишь следы всего, что волновало эту пламенную душу: истину и заблуждение, мимолетное увлечение и глубокие, неизменные симпатии".^{1/}

1/ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Собр. Соч. в 30 томах, т. УП, м., 1956, стр. 206 /перев./

Этими свойствами пушкинского лирического творчества анализируемого периода объясняется необходимость определения его главных тенденции и направлений.

Сами термины "реализм", "реалистический стиль" применительно к лирике следует употреблять с известной осторожностью и осмотрительностью, учитывая всю специфику отражения явлений и процессов действительности в ней. Между тем именно лирика представляет богатейшие возможности для изучения характера авторского мировосприятия. К 1825 году в творчестве Пушкина складывается, в основах своих, реалистическая система, причем важно отметить, что многие открытия Пушкина в лирике подчас хронологически обгоняли, предвосхищали развитие реалистического метода в других областях пушкинского творчества.

Чтобы глубже познать тенденции пушкинской лирики середины 1820-ых годов, необходимо обратиться к той среде, под воздействием которой находилась ранняя пушкинская поэзия. Это - школа карамзинизма с провозглашенным ею интересом к частной жизни личности - в противовес схематичному, абстрактному герою классицизма. Главные жанры лирики карамзинистов, с наибольшей полнотой выразившие сущность эстетики сентиментализма, - элегия и дружеское послание.

Дружеское, фамильярное послание многими своими сторонами повлияло на характер лирического творчества Пушкина. Прежде всего, это так называемая "домашняя семантика" /термин Ю. И. Тынянова^{2/}, органически присущая данному

2/См. его книгу: "Архаисты и новаторы", Л., 1929, стр. 239.

жанру, определившая самое природу его и совпадавшая с художественными устремлениями карамзинизма. Лиризм фамильярного послания, та интимность, которая существует между близкими людьми, иногда даже родственниками, обусловила структуру этой эпистолярной лирической формы, характеризующейся умолчаниями, намеками, недомолвками, свойственными дружеской переписке вообще. Послания разрабатывали самые различные темы и соответственно представляли большую свободу для использования различных пластов поэтического языка. Практика поэтической переписки существовала в узком кружке единомышленников: культивированию жанра способствовала общность художественных позиций и сходство литературных симпатий и вкусов автора и адресата. В результате послание скоро превращается в орудие литературной борьбы; при этом типичными чертами его поэтики были: пародия на те или иные явления поэзии тех лет; шуточный, каламбурный, грубоватый тон; свободная непринужденность разговора. Следует подчеркнуть ориентацию автора на собеседника, адресата — в противоположность склонности элегического поэта к интроспекции, самонаблюдению. Однако, наделяя своего персонажа конкретными, действительными чертами, биографическими и бытовыми, послание, по сути дела, исключало углубленный психологический анализ этой личности.

Элегия начала века характеризовалась определенным, замкнутым кругом тем с соответствующим ему узким кругом однородных, схожих эмоций; грусть по неразделенной

любви, скорбные воспоминания о юных, промелькнувших, безвозвратно исчезнувших годах, мотивы увядания, угасания жизни, лирического уединения, смутные мечтания и тайные предчувствия - этим исчерпывался душевный строй человека /в понимании элегика/, и все это покрывалось общим меланхолическим настроением, о котором Жуковский говорил: "Меланхолия не есть ни горесть, ни радость: я назвал бы ее оттенком веселия на сердце печального, оттенком уныния на душе счастливого."^{3/}

Элегия оказалась жанром "всепоглощающим". Если посмотреть какое-нибудь из первых прижизненных изданий В. А. Жуковского - признанного главы русской элегической поэзии - скажем, третье /1824/, то можно увидеть, что раздел элегий в нем самый малочисленный: в нем фигурируют всего лишь четыре пьесы - "Славянка", "на кончину Ее Величества Королевы Виртембергской", "Вечер" /1806/ и "Сельское кладбище. Из Грея" /1801/. Однако большинство стихотворений, помещенных в других разделах второго тома - "Послания", "Смесь", "Сельские стихотворения", - мало чем отличаются от элегических и по темам, и по образам, и по слогу. Поэтому совершенно прав Н. В. Измайлов, утверждающий, что лирику Жуковского надо рассматривать как единый ряд, в котором элегия - явление преобладающее,

3/ В. А. Жуковский, Редакторские пометки при статьях "Вестника Европы", 1808-1809. - Полн. Собр. Соч. в 12 томах под ред. проф. А. С. Архангельского. Спб., А. Ф. Маркс, 1902., том IX, стр. 120.

господствующее.^{4/}

Это хорошо сознавали критики-современники, причем их наблюдения выходили за пределы одного лишь творчества Жуковского. В 1823 году Орест Сомов писал: "Что может быть ограниченнее, однообразнее тех стихов, которыми ежедневно наводняется словесность наша? Все роды стихотворений теперь слились в один элегический: везде унылые мечты, желание неизвестного, утомление жизнью, тоска по чем-то лучшем..."^{5/} Так, художественные средства элегического жанра проникли и в "песни", и в "идиллии", и даже в "басни": не случайно П. А. Вяземский в статье о И. И. Дмитриеве говорил: "В басне Два Голубя он дает нам лучшие образцы стихов элегии..."^{6/} С точки зрения архаической жанровой теории классицизма слова эти — сушая бессмыслица, однако в 1823 году они мало кому показались бы странными.

4/ См. вступительную статью Н. В. Измайлова к сборнику: "В. А. Жуковский, Стихотворения", Л., 1956, стр. 23.

5/ О. Сомов. О романтической поэзии. Статья третья. Цит. по кн.: "Русская литература XIX в. Хрестоматия критических материалов", вып. I. Харьков, 1959, стр. 141.

6/ П. Вяземский. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева /1823/ — Полн. собр. Соч., т. I. 1878, стр. 141.

Русская элегия создала своего героя - носителя элегических чувствований - с его неизменным, обязательным, непреходящим, статичным обликом, не изменяющимся, но варьируемым от стихотворения к стихотворению. Отсюда закономерное тяготение к циклизации элегий, объединению их в группы по тематической и эмоциональной общности. Чувство, которым наделяется герой элегии, - это как бы извечно присущая ему черта, не зависящая от внешних условий и событий. Внутренний мир человека, в представлении ранних романтиков, - имманентен, замкнут в себе самом. Какое-либо конкретное событие, вызвавшее к жизни то или иное произведение, вовсе не определяет содержания его, но лишь условно его мотивирует. Подлинное содержание элегии - авторская реакция на происшедшее /грусть, уныние, скорбь/. Таковы, например, произведения Жуковского, посвященные его любви к М. А. Протасовой - Мойер или элегия К. Н. Батюшкова "На смерть сунруги К /окошки/ на ", I-II. Лирическая эмоция предстает в элегии не как живое человеческое чувство в его движении, противоречиях, борьбе, развитии, но как более или менее длительное состояние, раскрываемое прямолинейно, суммарно, изолированно от внешних возбудителей, "дистиллированно". Уныние, радости и горести любви, сомнения, воспоминания, упоение красотой природы для элегика появляются не самостоятельно, но лишь как отражение вечной тоски человека по невыразимо прекрасному и далекому миру.

Отсюда и условность, суммарность пейзажных

картин, обыкновенно заключающих в себе атрибуты тихой вечерней сельской природы, наиболее близкой эмоциональному состоянию героя; отсюда и зыбкость элегического слова, утрачивающего основную функцию-название. Ибо нельзя же выразить невыразимое, назвать недоступное никаким логическим объяснением и определением, непостижимое, мимолетное и одновременно вечное. В программном своем стихотворении - "отрывке" "Невыразимое" /1819/ Жуковский писал:

Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?
Свято таинства, лишь сердце знает вас.

Слово теряло свое изначально конкретное значение, обростало тесным росом эмоциональных обертонов, сотворяло в лирическом контексте сложные ассоциации; с потерей прямой номинативной функции слова возникала общая перифрастичность поэтического слога. Понятно, что при такой установке одни и те же лексические единицы, сохраняя приблизительно одинаковые значения, кочевали из одного лирического стихотворения в другое, в поэтическом обиходе 1810-х годов бытовали одни и те же словесные формулы - стереотипы, безошибочно ассоциировавшиеся у читателей с определенными представлениями о душевном состоянии поэта.

Мы потому так подробно останавливаемся на характеристике элегии 1810-их годов, что она оказалась жанром, в котором с особенной напряженностью разрабатывалась проблематика внутреннего мира человека, т. е. вопросы, влияв-

шиеся самими насущными для литературной жизни первых десятилетий прошлого века. Б. В. Томашевский заметил, что настроения и чувствования, входившие в круг "ушилых" элегических эмоций, прогрессируя и усложняясь, определили сознание передового человека начала 20-ых годов,^{7/} - и, следовательно, анализ их помогает уяснить процессы, протекавшие в пушкинской лирике в 1820-ые годы.

Замечательной вехой в истории русской элегии стали первые выступления в печати Е. А. Баратынского, восторженно встреченные Пушкиным. Он писал Вяземскому 2 января 1822 года: "Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова - если впредь зашагает, как шагал до сих пор - ведь 23 года - счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет"^{8/}. Внимание Баратынского

7/ Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии. М.-Л., 1961, стр. 348.

8/ А. С. Пушкин. Полн. собр. Соч. в 16 томах. Изд. АН С С С Р, 1937-1949. т. XIII, стр. 34. В дальнейшем все тексты Пушкина даются по этому изданию с указанием римской цифрой - тома, арабской - страницы, с учётом поправок, внесенных Справочным томом /Дополнения и исправления. Указатели. 1959/, обозначаемым цифрой ХII.

сосредоточено на раскрытии тончайших оттенков человеческого чувства, перипетий душевной жизни человека. Изображение традиционных элегических эмоций Баратынский сопровождает детальным, изощренным анализом их, осуществляемым через посредство острой психологической ситуации. Если в классической элегии человек показан как бы сведенным к одному душевному состоянию, к одному чувству, то Баратынский одним из первых понял душевный мир личности как сложный эмоциональный комплекс. Вечные элегические темы - осознание безвозвратно пронесшейся юности с ее утехами, восторгами, радостями, "снами", чувство одиночества, охлаждения, разочарования, мысли о недостижимом, бесконечно далеком счастье, остающемся в прошлом, в воспоминаниях, - предстают в неожиданных поворотах, и традиционные слова - сигналы вдруг поворачиваются какой-то новой, свежей стороной, появляются в необычном сочетании. Безликости элегического персонажа 10-ых годов Баратынский противопоставляет "лица необщее выражение". Характерно тяготение поэта к оформлению лирического рассказа в афористически законченную, четкую формулу. Элегии его - это воистину "успокоение печали рассудком". Возьмем элегию "Разлука", впервые опубликованную в "Соревнователе Просвещения и Благотворения" в 1820 г.^{9/} Она близка стихотворению Пушкина, написанному тремя годами ранее, "К XXX" / "не спрашивай, за чем унылой думой", 1817/^{10/}

9/ ч. IX, стр. 196

10/ т. II, стр. 42.

не только по теме и настроениям, но имеются и фразеологические совпадения. Однако разница наглядна - произведение Баратынского обнаруживает гораздо более рационалистический, аналитический подход, нежели элегии Пушкина. Вот окончание "Разлуки" /цитируется по первоначальной редакции/:

И все имел, лишился вдруг всего;

Едва заснул -исчезло сновидение.

Одно теперь унылое смущенье

Осталось мне от счастья моего!

Словосочетание "унылое смущенье" невозможно в условиях традиционного словоупотребления, принципиально неприемлемо в системе романтиков ранней формации, и оно - одно из поразительнейших психологических открытий молодого Баратынского.

Элегическое творчество Пушкина с 1820 года развивалось параллельно работе Баратынского, однако задачи, которые они перед собой ставили, были не совсем одинаковы^{II/}. Пушкин стремится в своих южных элегиях воссоздать облик передового человека эпохи - мятущейся, гордой романтической личности, беглеца, с его титаническими страстями, настроенного непримиримо по отношению к привычному порядку вещей и порывающего с окружением. И личность эта

II/ Конечно, выражение в лирике Пушкина раздумий и чувств, владевших поэтом, не ограничивалось кругом элегии этого времени. Все же мы остановимся преимущественно на элегиях потому, что, во-первых, жанр этот коренным образом трансформируется, и, во-вторых, внутри этого жанра мы сталкиваемся с выражением наиболее сокровенных мыслей и настроений и, наконец, того глубокого кризиса, который пережил Пушкин в 1823 году.

во многом соответствует действительным воззрениям и представлениям Пушкина в данный период и одновременно воплощает романтические идеалы. Отсюда глубокая политическая насыщенность его, казалось бы самых интимных и камерных, произведений важной ссылки, центральный образ пушкинской лирики, будучи собирательным по замыслу, оснащается конкретными пушкинскими автобиографическими приметами. Для нас особенно важным является то, что указанная личность предreshается уже не жанровым заданием /как в элегии 1810-ых гг./ и отвечает идеалам и концепции общеромантической идеологии и литературы.

Поворотным пунктом в пушкинском творчестве следует считать 1823 год, когда Пушкин подводит итоги своему предшествующему поэтическому пути. Именно к опытам этого года ведут истоки позднейшей пушкинской эволюции в лирике^{12/}. Впечатления, вынесенные поэтом из бурных событий международной политической жизни 1820-1823 г. г., вспышки революционного и национально-освободительного движения в странах Западной Европы и подавление их, до всеместное наступление реакции, солдатские и крестьянские волнения в России, перегруппировка, перестройка декабристских организаций и

12/ Лирические произведения "кризиса" 1823 г. я рассматриваю бегло, фрагментарно. Более подробный, тщательный, всесторонний анализ этого чрезвычайно важного этапа пушкинского творчества содержится в исключительно ценной статье И. И. Медведевой "Пушкинская элегия 1820-ых годов и "Демон" /"Пушкин. Временник пушкинской комиссии" 6. М.-Л; 1941/ и монографии Б. В. Томашевского "Пушкин", кн. первая, М.-Л., 1956, стр. 548-566. И поставил своей задачей здесь затронуть только те самые общие, характерные черты, которые определяют смысл и пути пушкинской эволюции в лирике конца 1824-1825 г. г.

оживление их деятельности, наконец, личные непосредственные наблюдения над жизнью самых разных слоев русского общества - все это поставило перед поэтом целый ряд вопросов актуального общественно-политического содержания.

Размышления над конкретными фактами политической действительности, над уроками событий на Западе показали Пушкину отсутствие подлинного единства в среде участников революционного движения и пассивность широких народных масс, подсказали необходимость познания и изучения сил, управляющих историей независимо от воли одного человека или даже группы людей, заставили по-новому взглянуть на роль личности в историческом процессе. Многие лирические опыты Пушкина 1823 г. проникнуты его чувством неудовлетворенности, разочарования, сомнений, скепсиса, стремления к пересмотру прежних взглядов, к переоценке всех привычных представлений - в том числе и художественных. /Оттого-то и велик так среди рукописей этого времени процент незаконченных лирических стихотворений, незавершенных вещей, набросков, оттого-то так велико количество несуществующих замыслов./ Метод романтического отношения к действительности перестает удовлетворять Пушкина.

Еще в 1822 году Пушкин набрасывает стихотворение, обращенное, по-видимому, к В. Ф. Раевскому - "Ты прав мой друг напрасно я презрел." Здесь впервые со всей остротой поставлены темы, особенно волновавшие поэта, в то время - звучат мотивы пересмотра жизненного пути, отказа от мечтаний юности, разочарования в прежних идеалах, охлаждения к ним, осознания того, что пламенный голос

вольнoлюбивoгo пoэтa нe дoхoдит дo глyхoй, хлaднoй тoлпы. В дaльнeйшeм сoдeржaниe пoслaния, oстaвшeгoся нeзaвeршeнныи, рaсслaивaeтcя нa ряд тeм, пoстaвлeнныx ужe в стихoтвoрeнияx 1823 гoдa. В элeгии "нaдeждoй слaдoстнoй млaдeнчeски дышa" выскaзывaются глyбoкиe сoмнeния пoэтa в прaвoтe рaспрoстрaнeнныx прeдстaвлeний, сoмнeния в вoзмoжнoсти прeкрaснoй, чистoй, свoбoднoй жизни в пoтyстoрoннeм, зaгрoбнoм мирe, - и мысль, чтo пoэтa oжидaeт тaм пyстoтa, "ничтoжeствo", вызывaeт y нeгo стрaх, yсyгyбляeмый eщe и тeм, чтo сaмa пo сeбe нaшa зeмнaя жизнь тoжe, кoнeчнo, нe мoжeт eгo удoвлeтвoрить /"урoдливый кумир"/. Выхoдa из этoгo пoистинe трaгичeскoгo пoлoжeния oн ищeт в лyбви, тoлькo oнa мoжeт зкрасить бeзрaдoстнoe сyщeствo вaниe пoэтa. Пoкaзaтeльнo, чтo рaзoчaрoвaниe в былыx "млaдeнчeскиx нaдeждaх" в кaкoй-тo мeрe в стихoтвoрeнии oбъясняeтcя пoлитичeскими вoзрeниями aвтoрa; oсoбeннo нaглядным этo стaнoвится при рaссмoтрeнии чeрнoвыx тeкстoв, срeди кoтoрых нaхoдим слeдyющиe стрoки:

Узрел бы я стран /у/ наслаждений

Страну, где нет царей, где нет предрассуждений

Где мысль одна горит - в свободе чистоте

II, 810/

Этoт вaжный мoмeнт пoлучaeт рaзвитиe в нaбрoскe "Ктo, вoлны, нaс oстaнoви", гдe сoстoяниe пoэтa ужe прaмo связывaeтcя с пoлитичeскoй oбстaнoвкoй, слoжившeйся в Еврoпe к 1823 гoдy. Рaзумеeтcя, пoдoбнyю связь внyтрeнних пeрeживaний пoэтa с внeшними сoбытиями нe слeдyeт

в данном стихотворении переоценивать, абсолютизировать. Но необходимо отметить, что произведения "кризисного" года нас интересуют не просто как свидетельства мучительных раздумий и чувств поэта, вызванных политической катастрофой, определенной политической ситуацией, - важен самый характер, самые формы отражения этих раздумий Пушкина в лирике. Совершенно очевидно, что здесь романтическая личность, ныне переживая тяжелейший кризис своего мироощущения, существенно отличается от той личности /оная-таки романтической/, которую Пушкин строил в крымской элегии в соответствии со своими идеалами и представлениями, но и сообразно идеалам и представлениям своего окружения - передовой дворянской молодежи, - и тем более отличается от той, которая была предопределена в лицейской лирике канонем унылой элегии. Авторский образ в "кризисных" стихах полностью и точно раскрывает реальный душевный облик А. С. Пушкина, его напряженную внутреннюю борьбу, его размышления и сомнения. Конечно, его мышление еще отвечает романтической концепции, и разлад с обществом, противопоставление индивидуума толпе, народным массам /хотя бы в плане констатации/, - еще актуальны для Пушкина.

Конфликт этот подчеркнут в стихотворении "мое беспечное незнание" /оставшемся в черновиках и вскоре переработанном в два центральные законченные произведения года - "Демон" и "Свободы сеятель пустынный"/. Но тут впервые чувство разочарования, внутреннего разлада и скепсиса олицетворяется в образе некоей демонической личности, возмущившей беспечное бытие

поэта.^{13/} Знаменательно, что свою тягу к скепсису автор объясняет желанием познать добро и зло, постичь законы, существующие в мире, и идейный кризис получает, таким образом, в самом творчестве еще более глубокое обоснование.

Стихотворение "Демон" представляет собой дальнейшее развитие этой темы. "Лукавый" /П, 293/, "строптивый" /П, 805-806/ демон предстает уже "злым гением" /П, 299/, да и сам автор уже не тот, что в наброске "Мое беспечное незнание". Душевный мир Пушкина уже не совпадает, разъединен с характеристикой Демона. Настроение скепсиса, сомнений не только объективируются в самостоятельном образе, отделенном от образа автора, но события, о которых идет речь, даются как прошлое, уже пережитое и далекое. Вместе с тем в стихотворении содержится попытка пересмотра жизненного пути поэта, стремление осмыслить его главные, поворотные моменты в наиболее общих чертах, причем перелом в судьбе автора мыслится именно как вторжение "злого гения."

Несколько позже Пушкин так разъяснял смысл образа Демона: "В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало по малу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство /мучительное, но/ непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете

^{13/} См. указ. статью И. Н. Медведевой, стр. 57. См. также монографию Б. П. Городецкого "Лирика Пушкина" М.-Л.; стр. 259, 1962.

называет вечного врага человечества духом отрицающим. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения? и в сжатой картине начертал / отличительные признаки и / печальное влияние оногo на нравствен /ность/ нашего века."^{14/} Так романтическая личность, которую Пушкин строил в 1820-1822 г. г., сокровенные движения и переживания которой выразил в некоторых стихотворениях 1823 г., постепенно превращается, шаг за шагом, из субъекта лирического повествования в объект наблюдения, изучения, объяснения и оценки Пушкина.

Б. В. Томашевский отметил ^{15/}, что Пушкин здесь "преодолеывает романтический индивидуализм, ведущий к отрешению от действительности, но ничего, кроме душевной пустоты, не приносящий". Для Пушкина "демонизм", "печальные встречи" со "злым гением" - этап временный и уже пройденный /первый замысел стихотворения относится к 1822 году/. Поэт относится к нему как к прошлому, прошедшему, и в романе "Евгений Онегин", работа над первыми шестью главами которого протекала в 1823-1826 г. г., романтическая демоническая личность получает уже окончательно насмешливую, ироническую оценку. В то же время Пушкин отчетливо понимает, что суть дела не только в позиции одиночки, индивидуалиста-революционера, но и в пассивности, равнодушии народа /"Святой"/.

14/ XI, 30; испр. по XII, 59.

15/ Пушкин. Кн. вторая. Материалы к биографии. стр. 171.

Таким образом, кризис 1823 года по-новому поставил в лирике Пушкина вопросы о смысле жизни, о современных событиях и историческом процессе, о человеке и обществе, — а вместе с тем о художественном творчестве; при этом поэт понимал невозможность решения всех этих вопросов старым методом — методом романтическим. На примере пушкинских элегий "кризиса" мы увидели, какие глубинные процессы происходят в мировоззрении поэта, как изменяется характер его лиризма, как преобразуется элегическое творчество. Большой интерес представляет также анализ любовных элегий Пушкина 1823—1825 г. г., который позволяет проследить дальнейшее изменение взгляда Пушкина на человека, на человеческую природу, на душевную жизнь человека.

С появлением ранних произведений Баратынского Пушкин уже отходит от традиционной "унылой" элегии. Традиционный элегический персонаж обрывает конкретными биографическими чертами самого автора; элегия юной ссылки непосредственно отражает воззрения романтического поэта на действительность, этим она приобретает явно выраженный политический подтекст; тематические рамки жанра раздвигаются. В пушкинских элегиях начала десятилетия происходит конкретизация образа автора, его внутренней жизни /разумеется конкретность эта существенно отличается от конкретности облика поэта, скажем в "19 октября" 1825 г. или в "Зимнем вечере"/. Традиционные элегические эмоции Пушкин выводит из некоей реальной жизненной ситуации, сосредоточивая внимание не на отвлеченной, общей характеристике

чувства, а на тех или иных вариациях, оттенках его, дающих новый, небывалый в "массовой" элегии 1810-ых годов, поворот лирической теме. Так воплощается в стихотворении живое человеческое чувство, уже свободное от жанровой схемы, так воплощаются самые сложные, порой противоречивые душевные движения. Мало того - сами эти эмоции, начиная с "кризисного" года, становятся у Пушкина предметом раздумий, требующим объяснения и характеристики / в данном случае - политической, общественной, гражданской/, подвергаются философскому осмыслению и обобщению. С введением в лирическое изложение действительного душевного опыта личности в его самых разнообразных проявлениях, аспектах - ликвидировалась однородность, одинаковость элегий. Элегическая тема индивидуализируется, психологизируется, усложняется, исчезает прямолинейность развития.

Так, эмоциональное состояние, испытываемое автором элегии "Простишь ли мне ревнивые мечты", уже не совпадает с традиционной элегической ревностью, а вбирает в себя комплекс самых разнообразных, даже противоположных, чувств, во власти которых находится поэт: здесь и просьба о прощении за "ревнивые мечты", и убежденность в верности ему со стороны возлюбленной, и поэтому искреннее недоумение по поводу загадочного ее поведения, и мучительные сомнения, и ревность к толпе поклонников и особенно к "вечному сопернику", и бешенство, вызванное этой ревностью, и страстные признания в любви - и все

это множество сложнейших переживаний создает неповторимо яркую картину внутреннего мира поэта и его конкретного психологического состояния, близкого и понятного многим и разным людям.

Направление художественных исканий Пушкина развивалось по пути освобождения от жанровых канонов, всецельных в 1800-1810 годы, но теперь не отвечающих новым эстетическим принципам, сложившимся в преддекабрьской общественной обстановке. Названия и подзаголовки "элегия" теперь часто условны и сами по себе никак не раскрывают смысл и сущность стихотворения, а только намекают на известную литературную традицию, в силу которой за словом "элегия" сохранилось представление о произведении преимущественно медитативном, задумчивом по характеру, глубоко личном, посвященном раскрытию самых сокровенных мыслей и чувств человека. ни содержание, ни форма стихотворения уже не определяются непременно жанровых правил. Каждое отдельное стихотворение заключает в себе какую-то сторону собственного душевного опыта поэта, конкретную психологическую ситуацию, - возведенные до степени высокого обобщения, до уровня общечеловеческого. В результате исчезает однообразие элегий, элегия освобождается от господствовавшей прежде тенденции к циклизации, к замыканию в определенный формально-художественный круг.

Поэтому неубедительным представляется нам объединение О.В.Астафьевой ^{16/} различных стихотворений Пушкина, созданных в рассматриваемый нами период, в циклы.

См.: 1/ О.В.Астафьева. Об одном цикле элегий Пушкина 16/ 1823-1824 г. г. - Таганрогский пед. институт. Доклады VI научно-теоретической конференции. Таганрог, 1962, стр. 247-259; 2/ О.В.Астафьева. Об одном цикле политических элегий Пушкина. - таганрогский пед. институт. Доклады VII научно-теоретической конференции института / секция филологических наук/. Таганрог, 1963, стр. 3-22.

В первых из названных статей О.В. Астафьева объединяет в цикл пять стихотворений 1823-1824 г. г., "связанных с темой любви" /стр. 247/: "Простишь ли мне ревнивые мечты", "Ненастный день потух", "Ты вынешь и молчишь", "Все кончено: меж нами связи нет" и "Пускай увенчанный любовью красоты". В другой цикл - цикл "политических элегий" - группируются, по мнению исследовательницы, следующие стихотворения: "Демон", "Свободы сеятель пустынный", "Кто, волны, вас остановил", "Мое беспечное незнание", "Бывало в сладком ослепленье" и "Зачем ты послан был и кто тебя послал?" Нам хотелось бы подробнее остановиться на этом вопросе, так как он представляется весьма немаловажным.

Думается, что неосторожное, беспорядочное употребление термина "цикл" несколько не проясняет его значения и тем более не обосновывает необходимость его применения. В качестве примера разумного использования литературоведческого термина "цикл" следует указать статью Н. В. Измайлова "Лирические циклы поэзии Пушкина 30-ых годов", ^{17/} в которой автор исходит не только из конкретного, целенаправленного анализа лирических текстов, но и из изучения замысла самого Пушкина / с учетом художественных тенденций его лирики 1830-х г. г./, из тех композиционных принципов, которые поэт клал в основу при подготовке к печати своих стихотворений.

Ясно, что понятие "цикл" по отношению к элегиям в 1816-1817 г. г. неравнозначно понятию цикла медитативных философских лирических произведений 1835-1836 г. г., а оно в свою очередь неравнозначно понятию цикла в "Подражаниях Корану" /1824/. "Циклизация" лирическому творчеству Пушкина, в целом, несвойственна. Особенность стихотворений 1816-1817 годов - это общая черта "унылых" элегий; циклы же 30-ых годов как раз интересны тем, что, в этом смысле, они явление из ряда вон выходящее, выпадающее из общего правила.

^{17/} Опубликована в Сборнике "Пушкин. Исследования и материалы", том II, М.-Л., 1958.

Сборник "Стихотворения Александра Пушкина" /Спб., 1826/ не дает основания для предположений исследовательниц. Очевидно, в сознании поэта данные стихотворения отнюдь не объединялись в "циклы". Мы думаем, что в нашем случае термин этот попросту излишен, неуместен, ибо ничего не прибавляет к нашему знанию об этих стихах, ничего не уточняет в нем и никак их не характеризует. Конечно, творчество поэта - лирика всегда в известных границах тяготеет к сосредоточению вокруг определенных тем и образов, однако далеко не всегда это осуществляется так, как в пушкинских циклах 30-ых годов, либо как это происходит в жанровых объединениях начала века, и мы существенно обидели бы наше представление о поэте, если бы его лирическое творчество стали произвольно делить на "циклы". Особенно же это относится к 1820-ым годам, когда Пушкин в одном стихотворении подчас как бы опровергает себя же в другом произведении, и это "опровержение" носит не узкопсихологический, а методологический, глубоко художественный смысл.

Стихотворения 1823-1824 г.г. нельзя группировать в циклы - тем более по жанровому признаку /"элегии"/, хотя бы уже потому, что, как сказано выше, наименование это условное, и сам автор вряд ли решился отнести к элегиям некоторые свои произведения /"Демон", "Сеятель"/, которые О.В.Астафьева категорически к ним причисляет, ссылаясь на их "медитативность". Нам кажется, что эпитет "медитативный" нецелесообразен, неточен по отношению к этим стихотворениям, особенно к "Демону", но даже "медитативность" - еще не основание для причисления той или иной вещи к "элегиям". Еще менее правомерным представляется нам метод объединения в "циклы" законченных произведений и набросков к ним же: путь этот, спору нет, крайне продуктивен, однако не должен служить опорой для научной концепции.

С 1824 года автобиографические черты Пушкина в лирических стихотворениях постепенно все более обростают.

бытовыми подробностями, устанавливающими прямую связь человеческого чувства с его внешним возбудителем. При этом главная психологическая нагрузка возлагается на подтекст. Введение в лирическое повествование внешних предметов, выступающих как указатели и источники душевных процессов знаменовало собой стремление Пушкина к объективации лирического рассказа, таившей в себе бескрайние возможности для углубления изображения внутреннего мира человека.

Остановимся на стихотворении "Сожженное письмо" /декабрь 1824 - январь 1825/, помещенном в сборнике 1826 года в разделе "Элегии". Стихотворение представляет собой взволнованный монолог, но интересно, что обращен он поэтом не к самому себе, а к письму - выступающему как почти одушевленное лицо, равное поэту, мало того - автор будто чувствует себя подвластным письму. Стихотворение строится на тонкой системе сопоставлений и контрастов, выражающих противоречивые душевные движения поэта, его нерешительность, сомнения, борьбу. Лирическое событие не сводится только к акту сожжения письма, но включает в себя весь круг различных эмоциональных впечатлений и ассоциаций, связанных с письмом. Уже в начале перед нами выступает своего рода лирическая коллизия: я не хотел, но она велела, я долго медлил, но вот - час настал. Так подготавливается новый момент в сознании поэта: готовность, - воспринимаемая как бессилие и обреченность и связываемая с усталой индифферентностью души. Усталый, ко всему безразличный, ничему не внимлющий герой словно в простратии следит за тем, как поглощает жадное пламя родные листки. Теперь лирическая повесть расчленяется на две параллельные линии: одна - это наблюдение над пылающими страницами, другая - моменты душевного пробуждения, отрезвления. Печальным, скорбным обращением к пеплу, мольбой к нему "остаться век" на груди поэта как память о мучительной душевной драме, - завершается этот горький рассказ.

Само выдвижение на первый план лирического события, случая, факта свидетельствовало о коренной перестройке поэтического мироощущения: ведь в романтической лирике реакция поэта на тот или иной внешний по отношению к его внутреннему миру раздражитель заслоняла, зашифровывала этот источник душевной жизни человека. В нашем же примере "предметность" происходящего не просто декларируется заголовком, но переживания поэта постоянно соотносятся с предметным их импульсом. Так объективируется внутренняя жизнь человека в "элегии" Пушкина. Так драматизируется лирическое повествование.

Термин "драматизация" применительно к пушкинской лирике данного периода можно употреблять и в его переносном, и в прямом значении; так сказать, и в "качественном", и в "относительном". "Качественность" — напряженность лирического действия, острота ситуации — выразится в большинстве произведений этих лет. Сфера "драматизма" в его "относительном" смысле, в смысле тонкой речевой нюансировки, "многостройности" лирического монолога, в котором лирический субъект как бы обращается к воображаемому собеседнику и даже вставляет реплики от его имени,^{18/} — сфера вот такого драматизма, разумеется, гораздо уже, однако его значение в построении лирического рассказа велико — и его появление связано с расширением диапазона поэтической речи, обогащением художественной палитры, с углублением смыслового и эмоционального содержания слова, с обострением его характеристичности. Относительно этого процесса акад. В. В. Виноградов писал: "Уже в драматизации лирического стихотворения косвенно обнаруживалось стремление к объективности художественного воспроизведения".^{19/} Остается напомнить о роли драматизированной

^{18/} См. В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М, 1941, стр. 89-90 и др.

^{19/} Стиль Пушкина, стр. 204.

формы в поэтической системе "Цыган", о работе Пушкина в эти годы над трагедией "Борис Годунов". Факты эти достаточно многозначительны и говорят сами за себя.

Эволюция литературно-художественных воззрений Пушкина по-новому поставила в его творчестве проблему поэта и поэзии. Тема эта приобретала особое значение еще и в связи с крупными переменами в личной судьбе Пушкина.^{20/} Ссылка на север /как и обстоятельства с нею связанные/ потрясла поэта. Внезапное решение царя, лишившее Пушкина последней надежды на скорое возвращение в Петербург, вызвало самое мрачное настроение, усугубляемое сознанием полного одиночества и безрадостных перспектив существования в глухой русской деревне, вдалеке от романтической пышной природы, от знакомых и друзей. "Всё что напоминает мне море, наводит на меня грусть - журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова - думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства..." - пишет Пушкин в эти дни.^{21/}

Естественно, что первые произведения, написанные Пушкиным после переезда, посвящены Югу, воспоминаниям о прекрасном его пейзаже и тех настроениях, которые там владели поэтом. Пушкин постоянно обращается к своему недавнему прошлому. Элегия "К морю" проникнута той грустью, о которой поэт писал В. Ф. Вяземской; образ моря полон для него особого значения, особых ассоциаций. Воспоминания о неукротимой морской стихии, символизирующей силы свободы, воли, гордой независимости, - соединяются у Пушкина с политическими размышлениями, думами об искусстве, художнике, поэзии. Та принципиально отрицательная оценка действительности /действительности, от которой некуда бежать, негде укрыться, спрятаться/, которая дана в стихотворении:

20/ В июле 1824 г. по "высочайшему повелению" он был выслан из Одессы в село Михайловское Псковской губернии, куда прибыл 9 августа.

21/ В. Ф. Вяземский. - XIII, 532; подлинник на франц. яз. см. стр. II4.

Судьба земли повсюду та же,
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран. /II, 133; испр.
по XVII, 21/

- распространена и в других сочинениях этого времени. В произведениях, посвященных недавним жизненным событиям, Пушкин как бы возвращается к идеалам и мечтаниям молодости, оглядывается, проверяет себя, пытается увидеть и оценить себя и свое прошлое с новых позиций, чувствуя наступление перелома, нового этапа в своей поэзии. Размышляя о былом, поэт не все в нем начисто отвергает. В элегии "Андрей Шенье" явственно обнаруживается верность свободолобивым настроениям юности, убеждение в великой роли поэта в народной жизни, решительное осуждение деспотии. В связи со смертью Александра I, Пушкин писал, имея в виду строки стихотворения, относящиеся к "свирепому зверю": "Душа! я пророк! я Андрея Ш. /енье/ велю напечатать церковными буквами во имя от/ца/и сы/на/ст." 22/.

К числу важнейших произведений этого времени принадлежит "Разговор книгопродавца с поэтом", датированный 26-сентября 1824 года. Стихотворение появилось в качестве предисловия к I главе "Евгения Онегина", что придает "Разговору" характер своего рода поэтической декларации. Он написан в форме диалога лиц, обнаруживающих полярно противоположные взгляды по вопросам, казавшимся Пушкину особенно острыми, насущными. Позицию Пушкина нельзя отождествлять ни с одной из высказываемых в "Разговоре" точек зрения, но, без сомнения, в уста каждого из спорящих вложены такие формулы, с которыми Пушкин был безусловно согласен или которые выражали известные моменты его идейной биографии. Лиризм сообщается стихотворению прежде всего образом одного из героев его - Поэта - романтика, элегика, индивидуалиста. Отдельные его высказывания имели для Пушкина, конечно, глубокое автобиографическое содержание /таково указание на то, что "теперь в глуши безмолвно жизнь моя несется"; таков отказ от прежних самолюбивых идеалов и иллюзий, требование свободы во что 22/ П.А.Плетневу. 4-6 декабря 1825 г., Михайловское. XIII, 249

бы то ни стало - которая мыслится как независимость от денежного мешка/. В речах же Книгопродавца содержится ядовитая ирония по адресу "романтических забав", "брёда" и знаменитая формула - для Пушкина программная:

Поэт казнит, поэт венчает;

Злодеев громом вечных стрел

В потопетве дальном поражает. /Ш, 326/

Тут же констатируется: " Наш век - торгаш; в сей век железный Без денег и свободы нет" /П, 329/. Достаточно сопоставить этот афоризм с письмом А. С. Пушкина А. И. Казначееву: " Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это, - самый трудный шаг сделан. Если я еще пишу по вольной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько то за штуку"^{23/}, - чтобы убедиться в том, насколько близко новым взглядам Пушкина это суждение Книгопродавца, олицетворяющее трезвое, до цинизма, отношение к действительности.

Другое значительнейшее и весьма знаменательное явление пушкинского лирического творчества 1824 г. - цикл "Подражания Корану", принадлежащий к наиболее сложным пушкинским произведениям. Смысл его по сей день еще не совсем ясен и по поводу его высказывались противоречивые суждения. Среди существующих точек зрения большим весом пользуется концепция Г. А. Гуковского, причислявшего "Подражания Корану" к произведениям, в которых "Пушкин хочет изобразить чужую культуру в ее реальности, - и в то же время оценить ее судом современного ему европейского ученого, хочет влезть в душу человека Востока, - и в то же время объяснить эту душу на методологическом уровне европейского мыслителя XIX века".^{24/} Другую позицию занимал Б. В. Томашевский, считавший "Подражания Корану" лирическим циклом, "отражающим собственные настроения и переживания поэта."^{25/}

23/Черновое.-Ш, 528; подлинник на франц.яз. - см. стр. 95

24/ Г.А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 237.

25/ Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 42.

Нельзя не согласиться с мнением Б. В. Томашевского. В центре "Подражаний Корану" — мотивы воскресения, подъема, ощущения обновления, прилива всех внутренних сил, великого чуда, свершающегося с человеком. Несколько позже поэт говорил: "Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить."^{26/} В цикле подняты темы высокой и благородной миссии пророка^{27/}; грозного, страшного суда и высшей ответственности; смирения "безумной гордости" царя, человека; героическая тема победы, славы, мужества, твердости духа — противопоставляемых слабости и малодушию; отхода от индивидуалистической замкнутости — в УШ Подражании звучит требование предельной щедрости, самоотдачи, может быть даже жертвенности. Мы видим, что "вольные подражания" проникнуты глубоко личными мыслями и настроениями Пушкина и конечно же цикл этот — произведение лирическое. Главная идея, в нем заложенная, — это мысль о движении от тьмы и мрака к свету, от неверия, сомнений и скепсиса к вере, всемогуществу, торжеству. При этом лиризм "Подражаний Корану" существенно отличается от лиризма более ранних стихотворений — различие это очевидно. С "Подражаниями Корану", как нам кажется, как-то связаны, в этом отношении, более поздние переложения библейских текстов: "Вертоград моей сестры" и "В крови горит огонь желанья": здесь найдены новые формы отражения душевной жизни поэта.

Выше мы привели два различных взгляда на смысл и содержание "Подражаний Корану". Нам думается, что они не

26/ Письмо Н.Н. Раевскому-сыну /черновое/ — XIII, 542; подлинник на франц. яз. см, стр. 198.

27/ На чрезвычайно важный личный смысл, который вкладывается в понимание образа пророка Пушкиным уже в 1824 году, указал Н. В. Фридман в статье "Образ поэта — пророка в лирике Пушкина", опубликованной в Ученых записках МГУ, вып. I18, Труды кафедры русской литературы. Книга II. М., 1946, стр. 83-107.

должны совершенно исключать друг от друга. Хотя и не следует абсолютизировать, безоговорочно принимать точку зрения Г. А. Гуковского относительно смысла и задач работы Пушкина над циклом — конечно, произведением лирическим, все же не следует этому циклу отказывать в известной экспериментальности. "Вольные подражания" "мусульманской поэзии" — это до некоторой степени эксперимент, поиск, опыт, проба. Но коль скоро это эксперимент, то важно установить, какие задачи при этом ставит перед собой автор, какие цели преследует. Необходимо принимать в расчет то обстоятельство, что многие произведения Пушкина 1824—1825 г. г. внутренне полемичны, причем направлены они против романтических представлений и практики. В первую очередь это относится к "Евгению Онегину", "Цыганам", "Графу Нулину", "Разговору книгопродавца с поэтом", едкой басне "Соловей и кукушка". В это время Пушкин спорит с декабристами о герое романа "Евгений Онегин", о предмете изображений. К "полемическим" сочинениям, думается, примыкает и цикл "Подражаний". Романтическая поэзия 1810—1820-их годов — русская и европейская — стремилась изобразить Восток, жизненный уклад восточных людей с экзотической нарядностью, преувеличенностью, воспеть восточную природу в ее неге, аромате, дикой роскоши. Такое понимание местного колорита становилось чуждо Пушкину. Весной 1824 года он писал П. А. Вяземскому: "К стати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он черес чур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца".^{28/}

В "Подражаниях Корану" Пушкин опирался в значительной степени на опыт собственной работы над "антологическими" стихотворениями периода южной ссылки, воплощающими в классических художественных образах глубоко личные, сокровенные раздумья и переживания поэта. Однако характер "подражания" чуждому материалу в цикле коренным
28/ XIII, 160.

образом отличается от характера "подражания" в южных стихах и вся разница прежде всего в отношении к быту, который здесь мыслится как проявление в повседневности культурно-религиозных, национальных особенностей, черт, отражающих длительный, многовековой, сложный путь развития народа. Быт, бытовые детали, этнографические зарисовки не вовео отсутствовали в романтических элегиях 1810-ых годов /вспомним, например, мызу, овин, гумно, "стук цепов в "Славянке" Жуковского/, но быт там-сублимированный, отраженный, вторичный.^{29/} Для романтика быт - не действительность или действительность такая, которая не подлежит восприятию романтического художника, недостойна его, не подлежит осмыслению с точки зрения истинной, единственной, возвышенной реальности, не подлежит специальному художественному осмыслению. Это не подлинная реальность - а реальность случайная, фиктивная, не полноценная, неравноправная с той - единственной, высшей, сладостной, поэтической. В "Подражаниях Корану" повседневный жизненный уклад, обыденность истолковываются как отражение исторической судьбы народа, его культурн, прежде всего - религиозной психологии, и национальный колорит объективируется, объясненный исторически.

Но такое, новое отношение к быту свидетельствует о внутренней полемике Пушкина в "Подражаниях" и с самим собой. Мы имеем в виду не только восьмое стихотворение /"Торгуй совестью пред бледной нищетой"/, которое обыкновенно и вполне правомерно сопоставляется с "Святелем" 1823 года^{30/}. В "Подражаниях Корану" в целом, как нам кажется, Пушкина занимала проблема соотношения представлений и взглядов отдельной личности с общественным, условно говоря историческим, опытом.

29/ Ср. замечание Н.В. Измайлова в его статье "В. А. Жуковский", помещенной в книге "В. А. Жуковский. Стихотворения", Л., 1956, стр. 26": "Чувства и мысли человека отражаются в созерцаемой им природе и она окрашивается его психологией."

30/ См. Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 44-45.

Ведь очевидно, что "Аллах", "господь", "пророк", - все эти понятия не заключают в себе чисто-религиозного, тем более - узко-мусульманского, пафоса. Думается, что олицетворяют собой они высшие принципы жизни, складывающиеся из долгого и разнообразного опыта народа и противопоставляемые узкой, слепой ограниченности одиночки. Можно говорить, что в цикле при противопоставлении - внешне религиозном - человека божеству звучит не столько мысль о бессилии человека перед богом, сколько, в соответствии с общим идейным и эмоциональным строем произведения, - признание всемогущества и торжества некоего высшего порядка вещей, объективно существующего в мире и определяемого деятельностью - духовной и материальной - народа и истории.

Мы коснулись главных лирических произведений А. С. Пушкина 1824-1825 г. г., в разной степени посвященных поэту, его пророческому дару, его важному месту в народном бытии. Размышления о роли поэта и его общественном положении будут продолжены Пушкиным после 1825 года и вызовут к жизни целый ряд стихотворений, раскрывающих проблемы творческих идеалов, высокой, благородной миссии художника, взаимоотношений его с обществом. Произведения эти в контексте, последекабрьской умственной деятельности русского дворянства, в обстановке жесточайшего террора и разгула реакции, общественной депрессии - приобретали совершенно исключительное значение.

Тема поэзии затронута и в стихотворении "19 октября" 1825 г., свидетельствующем о чрезвычайно важных изменениях, происшедших в художественном мышлении Пушкина. Если в начале своего пребывания в Михайловском Пушкин тянулся, постоянно возвращался к упоительным картинам южного моря, голубого неба, дивной южной природы, то позднее его поэтическим идеалам полностью соответствует простой деревенский среднерусский пейзаж; в письме к брату поэт восклицает: "Мне дьявольски не нравятся п/стербургск/ие толки о моем побеге. Зачем мне бежать? здесь так хорошо!" В стихотворении, обращенном к лицейским товарищам,

Пушкин самого себя объясняет объективными условиями действительности, и свою судьбу мыслит в связи с историческим путем русского общества, и собственная личная жизнь поэта трактуется в ее историческом, хронологическом развитии. "19 октября" — произведение сугубо лирическое, насквозь проникнутое "домашней семантикой", конкретные биографические черты опального поэта имеют подчеркнuto бытовой, "семейный" характер; адресаты, к которым обращается автор, не только названы, но также обрисовываются конкретными чертами и поступками. Личная судьба Александра Сергеевича Пушкина и его друзей сливается с исторической судьбой поколения; исторически подлинные события, факты раскрываются через интимные отношения людей — Пушкина и его окружения. Так изнутри перестраивается традиционное фамильярное послание, в замкнутый круг условного литературного быта втягиваются действительные бытовые реалии, детали, исторические события в их лирическом, так сказать "бодомашенном" ореоле /"Поговорим о бурных днях Кавказа"...., "... Он взял Париж, он основал лицей". Кстати, эта последняя формула содержит оценку царя — исторического деятеля, и интересно, что в ней соединяются как бы два аспекта: он взял Париж — судьба страны, судьба народа; он основал Лицей — судьба дружбы, судьба лицейского братства/. Тематические рамки лирического стихотворения раздвигаются; в эту лицейскую годовщину поэт говорит и об осенней стуже, и о своей грусти и одиночестве; сюда входят размышления и о друзьях, и о времени, и о лицейском братстве и верности ему, о грядущих годах; о дружбе, искусстве, жизни. Этапы биографии Пушкина прямо не называются, но даются косвенно, словно намеком, случайно, мимоходом:

Лицейский шум, лицейские забавы...
Из края в край преследуем грозой...
И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьег и хлада...

- подразумеваются в их временной последовательности и

обусловленности "внешними событиями", событиями общественной жизни. Минувшее, настоящее, будущее выступают в хронологической определенности, соотносясь с этапами личной жизни поэта. Мотивы интимные, гражданские, философские, литературные, раздумья, наблюдения, воспоминания - тесно сплетаются воедино, образуя бесконечно сложный и многоречивый лирический комплекс. Придя к историческому обоснованию человеческой жизни, Пушкин нашел путь к пониманию действительности во всей ее цельности, единстве /и в то же время богатстве, многообразии/, неделимости, установил эстетическое равноправие всех ее явлений и предметов и практически упразднил разделение, классификацию их по категориям "высокого" и "низкого", "поэтического" и "непоэтического" ^{31/}. Разрыв между героем и его окружением, разрыв между человеком и обществом, существовавший в сознании романтика, окончательно преодолевается. Ныне политическая тема не должна более облекаться в пышные античные либо восточные одеяния, ей не нужна ныне и мотивировка ее каким -нибудь одним душевным состоянием романтической личности, скажем, всеобъемлющим чувством неудовлетворенности, разочарования; теперь она входит как вполне равноправный /наряду с традиционно лирическими/ компонент в весь сложный и цельный комплекс мироощущения лирического поэта и в свою очередь последовательно объясняется конкретными условиями окружающей действительности.

Тут открывается еще одна очень важная сторона эволюции пушкинского мировоззрения и творчества. В этом же году Пушкин пишет стихотворение "Зимний вечер" - произведение, где впервые в лирике утверждается /даже можно

^{31/} "Как истинный художник, Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений, но для него все предметы были равно исполнены поэзии". "Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно; что для них была проза, то для него была поэзия" В.Г. Белинский. Полн. Собр. Соч., Т. VII, Изд. Акад. Наук СССР, М., 1955, стр. 330, 331.

сказать - декларируется/ принцип народности, где по-новому освещается проблема соотношения личного, частного - и общего, общественного. Стихотворение это тоже подчеркнуто "себяйное," камерное. "Домашняя семантика" дружеских посланий здесь внутренне преобразована: перед нами не столько ряд биографических и бытовых намеков, сколько целая и цельная система биографического и бытового подтекста, опирающегося на всю полноту реального биографического и психологического облика поэта и дающего ключ к пониманию его эмоционального состояния. Конкретные биографические и бытовые реалии указываются также словно обиняком, невзначай, пейзажные зарисовки предельно скупы. Стихотворение "Зимний вечер", по сравнению с "19 октября", представляет собой новую ступень в развитии пушкинского мышления. Судьба личности в нем тоже обусловлена конкретно- исторически, и эта историческая конкретность тоже создается, в основном, подтекстом, но в "Зимнем вечере" поставлена проблема народа, понимаемого как "простонародье" и персонифицированного в образе старушки-няни. Ощущение одиночества, в силу этого, как бы отходит на второй план, а основным эмоциональным стержнем выступает теплое, задушевное, дружеское, грустное чувство, обращенное к "подружке бедной юности" поэта. При этом лирическое "я" автора не подделывается, не маскируется, не драпируется в крестьянский армяк. Соответствие между субъектом и объектом лирического чувства строится на иной основе. Судьбы няни /судьба простолюдина/ и поэта сливаются и тем самым как бы противопоставляются жизни аристократического света, отгораживаясь от нее: /Здесь коренятся элементы того будущего социального мышления, которое ознаменует позднейший, высший этап пушкинского историзма и станет одним из главных отличительных признаков творчества Пушкина 1830-ых г. г./ Оттого-то так органично, естественно, прочно входят в лирическую ткань произведения народно-поэтические мотивы, образы, формулы-наряду с традиционно-поэтическими, будто олицетворяющими внутренний мир поэта.

Так находит Пушкин ответы на вопросы, поставленные в стихотворениях 1823 года.

Мы проследили, в общих чертах, эволюцию художественного метода Пушкина на материале лирических произведений середины 1820-ых годов. Художественный метод — это прежде всего отношение писателя к человеку, к изображаемым явлениям и предметам действительности, к окружающей жизни. Пушкин в своем идейном развитии шел к историческому мышлению, к пониманию жизненных процессов и явлений в их исторической перспективе. На этом пути он совершил ряд величайших, революционных художественных открытий, поняв внутренний мир личности в его исторической и социальной обусловленности. Так складывалась реалистическая система в лирике.

97 $\frac{5}{194}$

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

Студенческое научное общество

97 $\frac{5}{194}$

~~Стушквинский~~
СБОРНИК

Рига
1965